

Кушина не смогла удержаться от присвиста: "О, вот это горячая штучка, с которой я бы не отказалась поужинать".

"Ну конечно", - пробурчал Джирайя, - "Когда я смотрю на женщину, это жутко, но когда это делаешь ты, то все в порядке! Здесь есть какие-то женские и мужские предрассудки..."

"Знаешь, я бы восприняла эти слова всерьез, если бы у тебя сейчас не текли слюни", - отмахнулась Кушина, заставив Джирайю быстро вытереть рот.

Возможно, со стороны Хирузена было глупо ожидать, что эти двое будут вести себя при таком деликатном событии, как встреча двух Каге, и он недолго размышлял о том, что мог бы исчезнуть в пустыне, и ах как проста была бы тогда его жизнь... Человек может мечтать.

Госпожа Каге приподняла бровь: "Похоже, я пришла не вовремя".

"Не обращайтесь на них внимания", - отмахнулся Хокаге, - "Они двое из моих лучших, но, к сожалению, у них не все в порядке с головой".

Она положила руку на грудь и коротко поклонилась: "Для меня большая честь познакомиться с вами, Сарутоби-доно. Я Мэй Теруми, Пятый Мизукаге Киригакуре но Сато".

"Добро пожаловать в Конохагакуре-но Сато".

"Должна сказать, - склонила голову Мэй, - получение вашего свитка стало для меня неожиданностью. В настоящее время моя деревня все еще оправляется от жестокости правления Ягуры. Поэтому поверьте, что ваше предложение о помощи меня заинтересовало".

"Я понимаю, что мои действия были довольно смелыми, но после того, как я увидел товарищество наших генинов на предварительных соревнованиях, я решил, что стоит попробовать". Хирузен говорил искренне.

Мизукаге скрестила руки под бюстом: "Однако, прежде чем я рассмотрю это предложение, я должна поднять один вопрос."

"Да?"

Ее видимый зеленый глаз беспокойно переместился: "В последние моменты восстания я сражалась с Ягурой. Поверьте, это было нелегкое испытание - сражаться с джинчуурики, но в конце концов я победила". Ее слова несли в себе двойной смысл, который ниндзя Листа поняли: она хвасталась своей силой, предупреждая на случай, если они задумают нанести ей ответный удар. Тактика, которую они сами использовали в прошлом. "В свои последние минуты Ягура... был не в себе", - покачала она головой, в ее глазах появился грустный блеск, - "Или, возможно, правильное было бы сказать, что он наконец-то снова вел себя как обычно".

Хирузен обменялся растерянным взглядом с Кушиной и Джирайей: "Что ты имеешь в виду?"

"Ягура не всегда был тираном Кровавого Тумана", - подчеркнула она, - "Но однажды он начал меняться, в некоторых аспектах это было незаметно, он по-прежнему вел свою личную жизнь и дела, как всегда, но решения, которые он начал принимать, как только стал Каге, они были просто... Мы все хорошо знакомы с тем, как поступают ниндзя, но действия Ягуры редко были основаны на логике, часто они были просто бессмысленными и по-мещански жестокими. Он распространил по всей Стране Воды такие сильные антикоровые настроения, возглавил чистки и казнил всех, кто даже посмел усомниться в нем".

Она сделала небольшую паузу, и хотя голос ее звучал спокойно и собранно, нельзя было отрицать скрытого чувства скорби в ее голосе, которое тщательно скрывалось от посторонних глаз. Каге не мог проявить слабость перед другим Каге.

"Когда-то он был моим другом", - сказала она, - "Добрый, внимательный, он с гордостью принял роль Джинчуурики, и деревня уважала его за это... Ягура, возглавивший Туман, был не тем человеком, с которым я выросла. Когда он лежал при смерти..." "От моей руки", - подозревали они, что она действительно хотела сказать, но не смогла. "...он словно очнулся от сна. Он оплакивал все то, что натворил, будучи Мизукаге, извиняясь за то, что не смог устоять".

Ниндзя из Конохи молчали.

"Это была не сила, которая пришла с титулом, или что-то подобное, он сказал то, чему не смог сопротивляться", - она бросила на них обвиняющий взгляд, - "это было мощное гедзюцу, которое взяло под контроль его разум... наложенное на него Шаринганом".

Все замолчали, даже скрытые АНБУ застыли как статуи, а глаза Кушины и Джирайи расширились от шока. Сандайме все еще был в недопонимании, а Мэй продолжала: "Я не утверждаю, что ваша деревня или Учиха ответственны за действия в моей стране. Но Шаринган родом из Страны Огня, и я не могу исключить такую возможность".

"У Ягура-доно были какие-нибудь подробности об этом пользователе Шарингана до его смерти?"

Мизукаге вздохнула: "Человек в черном капюшоне, который носил маску с одним правым отверстием для глаза". Когда слова покинули ее губы, она увидела, как все трое потрясенно переглянулись.

Кровь Кушины похолодела, время остановилось. Ее глаза стали призрачно широкими при описании человека, который мучил ее кошмарами. "Это он..." Ее голос был шепотом, но привлек всеобщее внимание. Вскоре шок превратился в кипящую ярость, когда она скрежетала зубами, в ее глазах светилась чистая убийственная ненависть. Убийственное намерение, заполнившее комнату, заставило Мизукаге моргнуть, прежде чем она увидела, как Красная Смерть зарычала и ударила кулаком по стене, проломив ее. "ЭТО ОН!" закричала она в полной злобе.

Ее дыхание было рваным, едва сдерживаемым от ярости, и образы этой ненавистой фигуры, преследующей ее сны, вспыхивали с яркой интенсивностью. Ее пальцы дернулись, почти желая достать оружие, чтобы проткнуть что-нибудь, что угодно, и представить, что она вонзает нож в сердце этого ублюдка.

Кушина резко повернула голову, почувствовав большие руки на своем плече, и увидела Джирайю, который понимающе смотрел на нее, пытаясь успокоить. Она видела в его глазах, что он тоже чувствует, как убийственный гнев проникает в его существо, но в данный момент его нужно было сдерживать.

Сделав несколько успокоительных вдохов, Кушина подошла к одному из стульев и села, прижав руку к лицу, сдерживая ярость и желание убить.

Все Мизукаге просто уставились широко раскрытыми глазами на это зрелище; она повернулась к Хокаге, взглядом требуя объяснений. "Теперь понятно", - настороженно произнес Хирузен, - "Тогда я должен раскрыть некоторые наши секреты".

И он рассказал ей все до мельчайших подробностей. Бывший статус Узумаки как Джинчуурики, ночь рождения ее сына, все рассказы и описания этого события, которые предоставила ему Кушина. Он ничего не упустил, ведь у Конохи и Кири теперь была общая цель, представлявшая угрозу для них обоих.

После долгих объяснений Мизукаге пришлось сесть. Сейчас она терла глаза, пытаясь побороть нарастающую головную боль. "Милосердный Суйдзин", - пробормотала она в недоумении, - "Это... Это все меняет".

Хирузен мрачно кивнул: "Действительно, кем бы ни был этот человек, он причинил боль и страдания обеим нашим деревням". Он посмотрел на Кушину, которая лишь смотрела в пол. "У нас есть общий враг".

"Да, это так", - Мэй смотрела на рыжеволосую со скорбными, но понимающими глазами. "И из-за этого человека, который причинил вред обеим нашим деревням, я соглашусь на ваш союз". Она сделала паузу; "Кушина-доно." Узумаки посмотрела на Мизукаге: "Если этого человека найдут в наших землях, он пострадает, я обещаю тебе".

Кушина только кивнула, а затем снова посмотрела на пол.

Хокаге протяжно вздохнул: "Что бы ни понадобилось вашей деревне, вам нужно только попросить. Я посмотрю, что смогу дать тебе Мэй-доно".

"Это может подождать, а пока давайте все удалимся на сегодня и отдохнем перед экзаменами на чуунина". Все были согласны с этим мнением.

Они смогут подготовить свою месть в другой день.

XxX ~ xx ~ XxX

С тех пор, как приехала Карин, а затем и остальные, в доме постоянно было многолюдно. В тренировочном зале редко можно было встретить только его самого и его мать в одиночестве. Югао лежала наверху на диване. Ее мать объяснила, что произошло, и попросила всех дать женщине время для траура.

Однако вместо тренировки Кушина показывала сыну альбом со старыми фотографиями.

Наруто чувствовал, что смерть Хаяте и вид страдающего ученика пробудили в нем плохие и даже свежие воспоминания. Ему и в самом деле было не по себе; хотя он и встретил его мимоходом, тот показался ему хорошим парнем. Возможно, это был ее способ отвлечься от мыслей, или просто, столкнувшись с этой трагедией, лучше всего вспоминать тех, кто ушел из жизни, вместе с теми, кто еще остался с тобой.

В альбоме была вся жизнь его матери, начиная с детства в Узушио и заканчивая тем, как она стала АНБУ и джоунином. Она показывала на фотографии, которые считала более интересными, и пускалась в длинные объяснения, что произошло в тот день, вплоть до того, что она ела (конечно, это был рамен, это всегда был рамен).

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1736356>